

Викториа
СМУРНОВА

ВОЛШЕБНОЕ
ЧИСЛО 3

ФТМ

Виктория Дмитриевна Смирнова

Волшебное число 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40509462

*Волшебное число 3: ФТМ; Москва;
ISBN 978-5-4467-3236-4*

Аннотация

Новая повесть о ведьмах писательницы Виктории Смирновой посвящена непростому пути поиска себя в этом мире и своей любви, способной кардинально изменить жизнь не только главных героев произведения, но всех, кому повезло оказаться в самом водовороте истории девушки с удивительным именем Дамаск. Судьба наделила девушку сверхъестественными способностями, которые передала девочке ее бабушка. И однажды, следуя закону магии, ведьмина дочь оказывается перед выбором – как ей дальше жить, кто останется рядом с нею и сможет ли она когда-нибудь полюбить.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктория Смирнова

Волшебное число 3

Часть первая

Глава 1

Моя история началась за несколько часов до моего рождения. Я решила появиться на свет на две недели раньше положенного срока, и этому совсем незначительному случаю суждено было повлиять на всю мою дальнейшую жизнь. Но о том, что я родилась раньше на две недели, я узнала спустя многие годы. А начну своё повествование с того момента, когда ко мне и моей маме, приехала тётя Лена.

Мне было четыре года. Отца у меня не было, и мы с мамой жили в комнате общежития при швейной фабрике, где она работала. Фабрика находилась в небольшом городе N Новосибирской области, и мама приехала в него из деревни. Свою бабушку я никогда не знала, и мама мне о ней ничего не рассказывала. Но у каждого настает момент, когда дети начинают задавать вопросы.

– Мама, а у меня есть бабушка, как у других детей? – спросила я в один день, когда задумалась о полноценной семье,

которые видела в нашем общежитии.

– Есть, – коротко сказала мама.

– А где тогда моя бабушка? – спросила я.

– Мы с ней разругались очень давно, – уже с раздражением ответила она.

– А как её зовут? – не могла угомониться я, так как любопытство нарастало.

– Варвара.

Вот после бабушки я тогда и спросила о своём папе.

– Он нас бросил. В первый раз, когда я забеременела, а во второй – после твоего рождения, – уже со злостью произнесла мама.

– Как это – один и второй? – не поняла я.

– Вырастешь, поймёшь. Все мужики – кобели. Детей делают и свалят к тем, у кого ещё нет детей.

Я тогда не очень разобралась в её ответах, но раз она сказала, что это пойму, когда вырасту, то и решила подождать. Маме я доверяла, и ближе неё у меня никого не было, хотя своим детским чутьём я чувствовала, что меня мама не очень любила, а может, и совсем не любила. Я её всегда раздражала и явно была ей обузой.

– Из-за тебя у меня никакой личной жизни! – говорила она мне в момент крайнего раздражения. В таком состоянии мама пребывала часто и могла ущипнуть меня или дать подзатыльник.

В свои четыре года я плохо понимала, что такое – личная

жизнь. Но когда в нашу комнату приходили те самые «мужики-кобели», мама краснела, улыбалась, и у неё появлялись милые ямочки на щеках. Вот в такие моменты, я решала, что это и есть признак личной жизни моей мамы, а для её налаживания меня выгоняли в коридор общежития, где я бродила иногда часами, пока кто-нибудь из соседей не подбирал меня к себе.

Моя мама нравилась мужчинам, она была милой и миниатюрной женщиной, с прямыми волосами и круглым лицом. Как-то она показала мне на улице моего отца. Мне папа совсем не понравился. Тогда, в четырёхлетнем возрасте, я ещё не понимала, что такое пьяный человек. Мой отец стоял, пошатываясь, как дерево на ветру, но при этом умудрился махнуть нам рукой. Я тогда подумала, что он сейчас упадёт, но он смог удержаться на ногах. По его затуманенным и равнодушным глазам я поняла, что махал он только моей маме, как старой знакомой, меня же просто проигнорировал. Я сразу вынесла свой детский вердикт – в обязанности моего отца-кобеля входит сделать ребёнка, а дальше он о нём забывает. Увидев впервые отца и зная мать, я никак не могла понять, на кого я похожа сама. Не было у меня никакого сходства с моими родителями. Я решила, что, скорее всего, на бабушку Варвару, которую я никогда не видела, но очень хотела с ней познакомиться.

– Поразительно! В кого ты такая пошла? – с раздражением ворчала мама, при этом драла расчёской мои непослушные,

кудрявые волосы. Мне было очень больно, но я молча сидела и глотала слёзы. Я не помню, когда плакала в последний раз, давно привыкнув к маминому раздражению и её тумакам.

Из-за моих непослушных, вечно путающихся волос, мама меня постоянно стригла – брала ножницы в руки и с остервенением коротко стригла меня «под мальчика». Меньше всего она хотела заморачиваться со мной. Главное, чтобы я как можно меньше раздражала её и мешала её личной жизни.

Маленькой я была очень нескладной, худой от недоедания, выше своих сверстников, с неопрятной стрижкой. И единственная моя особенность – большие миндалевидные, карие глаза. И если бы не платье, меня можно было принять за мальчишку.

Может ли быть ребёнок несчастлив? Само детство – это уже счастье. А может ли быть человек счастлив? Большинство сейчас счастливы, а через минуту – уже нет. Но я научилась быть счастливой – сохранив счастье и перенеся его из детства во взрослую жизнь. По характеру я оказалась непокорной, настойчивой, требовательной к себе, и очень быстро реагировала на события, касающиеся меня. И вот этот мой характер сослужил огромную службу в дальнейшей моей судьбе.

Наверное, наша жизнь так, и протекала бы в общежитии да на швейной фабрике, но однажды в комнату постучали, и на пороге предстала очень красивая женщина возраста моей мамы. Увидев её, я распахнула глаза и открыла рот.

– Господи, Ленка! – крикнула моя мама и тут же кинулась обнимать женщину.

– Верочка! Я нашла тебя! Наконец-то! – женщина освободилась из объятий моей мамы и тут вдруг увидела меня. – Это твоя? Ой, какая забавная, на мальчика похожа! Мне мама сказала, что ты родила от Витьки Климова. Обалдеть! – тараторила эта женщина, которую мама назвала Ленкой. А я продолжала сидеть и во все глаза рассматривать эту симпатичную незнакомку, которая так разительно отличалась от всех, кого я до этого знала. Женщина была одета в брючный костюм, на голове красивые очки от солнца, а длинные и прямые волосы собраны в хвост.

Я перевела взгляд на маму и впервые нахмурилась – моя мама рядом с этой Ленкой выглядела никакой, даже тень бы смотрелась лучше.

– Меня зовут тётя Лена. А как тебя зовут, малышка? – подошла ко мне эта красивая женщина.

– Дамаск, – ответила я.

– Ой, боже, какое необычное имя! – воскликнула удивлённо гостья.

Мама скривилась.

– Моя мамаша постаралась. Сказала, имя не оговаривается и остаётся только таким. Лично мне всё равно.

– Вер, ты чего? Она же твоя дочка...

Красивая женщина полезла в сумку, вытащила оттуда коробку и дала мне. В коробке была кукла. У меня никогда не

было таких игрушек, и я счастливо улыбнулась. Эта тётя мне нравилась всё больше и больше.

– Спасибо, – произнесла я, показывая куклу маме.

– Ты надолго? – спросила моя мама, не обратив внимания на куклу.

– Я за вами! Поехали ко мне! – выпалила тётя Лена.

Я уже их не слушала, так как рвала картонку, чтобы достать красивую куклу. Помню только, что тётя Лена звала маму в Москву. Она закончила юридический и там познакомилась со своим мужем.

– И как ты его подцепила? – кисло спросила её мама.

– Ой! Вера, он замечательный человек. Вдовец. У него есть сын от первого брака. Замечательный дом. Вот. Теперь я его жена. А мне нужна помощница по хозяйству. И естественно, я вспомнила о тебе. Ты – моя лучшая подруга! Бери Дамаск и поехали ко мне! Нечего тебе тут прозябать! – тоном, не требующего возражения, произнесла тётя Лена.

Глава 2

Вот так, в возрасте четырёх лет, я попала в Москву и переступила порог дома, который показался мне дворцом после нашей комнаты в общежитии. Величественный дом в три этажа находился за высоким забором, внутри которого находился большой ухоженный сад с беседкой и местом для барбекю, а также гараж, в котором стояли три автомобиля. По правую сторону немного в глубине находилась пристройка – маленький домик, вот в нём и поселились мы с мамой.

Я никогда не забуду, как впервые увидела дядю Николая. К нам навстречу вышел высокий мужчина, огромнее нашего шкафа в комнате общежития. Правда, мне было всего четыре годика, но это была истинная правда – муж тёти Лены был высоким, красивым и статным. С тёмными волосами и синими глазами. Я восторженно созерцала этого великана, открыв рот, а этот великан, увидев меня, рассмеялся.

– Как зовут смешную девочку? – спросил он меня.

– Д-дамаск, – пролепетала я.

– Как?! Это что шутка?

– Нет, – скривилась мама. – Её зовут Дамаск, так нарекла её моя мама.

– Замечательно! – дядя громко захохотал, и я опять открыла рот от удивления.

Моя мама зарделась, как обычно при виде мужчины. Тё-

тя Лена засмеялась, а потом представила своего мужа моей маме.

Ближе к вечеру пришёл Антон – сын дяди Николая. Для своих двенадцати лет он был достаточно высокого роста. И я подумала, что сын явно пошёл в отца. Внешне они тоже были похожи, только глаза Антона – не синие, а чёрные, наверное, как у его матери, которая умерла. Тогда я снова подумала о себе и снова задалась вопросом – на кого же похожа я? Но долго об этом не думала, впечатления захлестнули меня.

Началась наша новая жизнь в доме у адвоката Николая Даммова. Мама прилежно убирала дом, тётя Лена работала, помогая мужу в его юридической фирме. Дядя Николай был профессионалом своего дела, очень уважаемым человеком в своих кругах, и всегда много работал. С его сыном Антоном я никогда не общалась и практически совсем с ним не виделась – тот был сам по себе. Тётя Лена приходилась ему мачехой, мы с мамой – непонятно кем, просто работница с маленькой дочкой в доме его отца. Антон признавал только отца и своих друзей.

Тётя Лена была очень доброй и хорошо относилась к Антону. Иногда я жалела, что моя мама – не тётя Лена. И всё потому, что попадая под горячую руку матери, я постоянно продолжала получать затрещины и оскорбления. Мама хоть и перебралась поближе к столице, в элитный район, и жила в доме лучшей подруги, но оставалась всё такой же озлобленной и вечно недовольной. Видимо, что-то в личной жизни у

неё опять не ладилось. Правда, только при мне она снимала свои маски и показывала истинное лицо. В присутствии тёти Лены и дяди Николая она была само очарование. Чем старше я становилась, тем больше презирала мать за многие вещи, которые мне не нравились. Я же была очень живым и любопытным ребёнком и всегда умела за себя постоять. Мне приходилось отстаивать свои интересы, принимать жизнь такой, какая она есть, и при этом радоваться и быть счастливой.

Пожалуй, то, что я приехала сюда совсем крохой, повлияло на дальнейшее моё воспитание. Я была принята в доме Даммовых, с ними ужинала, обедала, и тётя Лена сама отвозила меня сначала в детский сад, а потом, когда подросла – в школу.

Нрав у меня был очень крутой – меня побаивались, ненавидели, унижали и уважали одновременно. Так как в школе я была среди детей, которые жили вокруг нас, то я была по сравнению с одноклассниками бедной родственницей. Все были одеты лучше меня, постоянно меняли ручки, часы, аксессуары и игрушки. У меня всего этого не было, но мне всегда было на это наплевать. Я быстро росла, и одежда становилась мне мала. Мама, конечно, покупала мне недорогие платья, джинсы, но всего этого было не так много, как у моих одноклассниц. За мой рост я получила кличку Дылда, а потом её поменяли на Оборванку, это из-за одного случая в школе...

Одна моя одноклассница получила от меня в лоб за то, что

она обозвала меня оборванкой. Девочка разразилась слезами, и мою маму вызвали в школу. Но пошла туда не мама, а дядя Николай. Естественно, вечером я была вызвана к нему в кабинет для разговора. Этот кабинет всегда был для меня святая святых, ведь там работал такой большой человек. В тот день я впервые оказалась там. В кабинете стояло огромное кожаное кресло, длинный стол, стеллажи с книгами до потолка и диванчик, на который я тогда залезла с ногами и вопросительно уставилась на хозяина этого места, абсолютно не боясь ни его, ни разговора, который должен был состояться.

– Ну? Зачем ты дала по голове той девочке? – сидя в кресле напротив меня, спросил дядя Николай, хотя я заметила, что глаза его смеялись.

– Я не жалею об этом, и ещё ей дам, если хоть раз обзовёт меня оборванкой! – в сердцах воскликнула я.

– Но ты же хорошо одета. Почему вдруг оборванка? – удивился дядя Николай.

– Потому что у меня нет мобильного телефона! – я сощурила глаза и сжала губы. Видимо, выражение моего лица было очень комичное, потому что дядя Николай рассмеялся.

– Я куплю тебе мобильный, – отсмеявшись, произнёс он.

– Нет! – я отрицательно замотала головой.

– Почему? – вот теперь он был явно удивлён.

– Принципиально! Меня будут любить и уважать такой, какая я есть, а не за телефон! Я не приму его! – гордо задрала

нос, произнесла я.

– Умничка! Вот поэтому ты мне очень нравишься, – ласково улыбнулся дядя Николай.

– А почему твоя фамилия Даммов? – спросила я. – Какая-то девчачья.

Он опять рассмеялся и стал рассказывать о себе.

– Мой род идёт от викингов. Когда-то, очень давно, они пришли в эти земли. Викингов на Руси называли варягами. Ведь Балтийское море когда-то называлось Варяжским. А викинги или варяги жили за этим морем. Мои предки на Руси со времён Рюрика. Ты же видишь, какой у меня рост? – я кивнула, а он продолжил. – Моя фамилия идёт от фамилии Дам или Дамм с двумя «м». Но уже с веками поменялась на Даммов. Возможно, мои предки были торговцами или пиратами.

– А кто такой Рюрик? – спросила я.

– Это завоеватель и основатель русско-княжеской династии Рюриковичей. Он объединил племена, и вот тогда на карте появилось новое название – Русь. Рюрик пришёл с двумя братьями и дружиной и стал первым князем. Но всё это ты ещё будешь проходить по истории в школе, – дядя Николай улыбнулся. – А вот моё настоящее имя – Николас, а у Антона – Антониус.

– Ух-ты! – я сидела с открытым ртом. С этого дня я перестала называть его Николаем. Для меня он стал Николас. Теперь я понимала, почему он не разрешил называть его дядя

Коля, а только дядя Николай. Но с этого дня я решила – для меня он только Николас, ничто другое ему не подходило.

– Мы редко произносим полное имя, – он потрепал меня по голове. – Когда уже твоя мама перестанет стричь тебя под мальчишку? – этот вопрос он больше задал себе, чем мне.

– Они непослушные, поэтому она и стрижёт их.

– Волосы тут не причём. Это твоя мама за тобой не смотрит.

Мне очень понравилось в кабинете у Николаса, и с того памятного вечера я стала часто туда приходить, а с Николасом мы стали большими друзьями. Я могла просто тихо сидеть на диванчике и слушать, как он говорит с кем-то по телефону. А ещё я очень полюбила читать, и Николас, заметив это, стал постоянно покупать для меня книжки. Мне казалось, что теперь я полностью счастлива, хотя друзей в школе у меня так и не было – меня, как оборванку, не принимали дети, но именно книги заменили мне друзей. Я увлеклась историей, географией, обожала литературу, и мне очень легко давались технические науки. Со временем я стала одной из лучших учениц в классе. Меня не любили, но меня уважали, и мне завидовали, при том, что мобильника у меня по-прежнему не было. Если я говорила «нет», то это было твёрдое «нет». Изменить моё мнение было невозможно.

– Чтобы изменить твоё мнение, нужно быть волшебником, – говорил Николас, а я смеялась.

Тётя Лена своих детей не имела, и всё внимание уделяла

мне. Антон рос сам по себе, ему исполнилось четырнадцать, и он продолжал тянуться к отцу. С годами он стал неплохо относиться к мачехе, так как она была добра ко всем. Более доброго и наивного человека я в своей жизни не встречала. Именно наивность делала тётю Лену очаровательной. Николай её очень любил и восхищался, что эта добрейшая женщина верила, что мир и жизнь – это одна большая радость.

Так прошло ещё три года моей жизни у Даммовых. И в один из летних дней тётя Лена предложила моей маме съездить в деревню. Но моя мама отказалась, сославшись, что не хочет оставлять дом.

– Слишком много работы, – посетовала она.

– Тогда я возьму Дамаск. Она подросла и мне с ней не будет тяжело в дороге, – ответила тётя Лена.

Моей маме, видимо, было всё равно, потому что она только пожала плечами. Я же была вся в предвкушении новых впечатлений, каникул, смены обстановки, а главное – я снова увижу места своего детства.

И вот через неделю после того разговора с тётей Леной я снова вернулась в места, где родилась и когда-то жила. Мне исполнилось девять, и я не была здесь целых пять лет. Но к своему удивлению поехали мы не в город N, где находилась швейная фабрика и общежитие, а отправились дальше на поезде, потом на местном автобусе и вышли в самом прекрасном месте, которое я когда-либо видела. Я очень хорошо помню, как чувство восхищения охватило меня – кругом

необъятные зелёные дали, труднопроходимые хвойные леса, а впереди – огромное поле, через которое мы шли пешком, потом дорога повела нас через небольшой лесок, и вдруг деревья расступились, и перед нашими глазами открылась потрясающая картина – яркая поляна и рядом зеркальное озеро, в котором отражается небо и деревня, которой очень много лет. Я сразу влюбилась в это место, для меня оно показалось волшебным. Место, где происходят чудеса, где оживают сказки со счастливым концом.

Мы прошли несколько домов, обнесённых заборами и, открыв одну калитку, ступили во двор, где величественно стоял дом-сруб.

– Это мой дом. Я здесь родилась и выросла, – произнесла тётя Лена.

Распахнулась дверь, и мы обе оказались в объятиях пожилой женщины.

– Дамаск, это моя мама, баба Настя, – представила мне её тётя Лена.

– Ой! Красавицей вырастет! – воскликнула баба Настя. – Ты только посмотри на неё! Даже не пойму, в кого она такая уродилась? На кого похожа? На Верку не похожа. Да и Витька совсем другой, – она покрутила меня, рассматривая. – Вот уж кто ворожеей бы стал, так вот эта девочка. Варвара очень страдала первое время без внучки. Что же там Верка с ней не поделила?.. Не знаю даже, но помню, что в один из дней Верка забрала девочку и укатила в город.

– Я схожу к Варваре. Пусть на внучку посмотрит, – произнесла тётя Лена.

И тогда я поняла, что уже скоро увижу свою настоящую бабушку.

Глава 3

...Помню, в тот день мы встали с тётёй Леной рано. Шли мы не очень долго, только прошли всю деревню. Старый дом стоял отдельно на отшибе, примыкая к лесу, а лес наступал, окружая огромными деревьями дом. Казалось, что деревья и сам лес охранял этот дом. Высокие деревья, как богатыри-сторожа, окружили это место. Своим чутьём я понимала всю бесконечность леса. Запросто можно потеряться – это же тайга. Всё место вокруг дома произвело на меня неизгладимое впечатление. Мне казалось, что я попала в страну чудес – дом был странным, очень тёмным, неокрашенным, с каким-то непонятным забором из кольев, так что мне тут же привиделась Баба-Яга из книжек. Я совсем не удивилась, когда именно такого вида старуха открыла нам дверь – на ногах её были обуты войлочные тапки, а на самой надето длинное тёплое платье длиной по щиколотку, да ещё и вязаная жилетка, хотя на дворе стояло лето. Седые волосы старухи, были аккуратно затянуты в тугий пучок, а ещё у неё отсутствовали два нижних зуба, а на верхней губе росли усы, при этом спина у неё была довольно сутулой, как будто она имела горб, только чёрного кота не хватало на плече для полного образа. Тогда я пришла в ужас от того, что эта старуха моя бабушка. Почему-то я сразу представила себя такой же в старости и поняла, что стареть не хочу. Я вообще не хотела

расти, меня всё устраивало в этом времени, и казалось, что если я вырасту, то ничего хорошего из этого не получится.

Старуха же пронизала нас стальным взглядом, а я гордо задрала подбородок, показывая, что не боюсь её. Хотя мне было по-настоящему страшно, но я, была бы не я, если бы показала обратное.

– Дамаск и Лена... А моя... значит, не приехала... – старуха пропустила нас внутрь тёмного дома.

Я таких изб ещё никогда не видела, да я вообще такого даже не представляла. Разве может в наше время техники существовать такой дом, где висят травы, какие-то корни, даже лапы животных! Я аж поёжилась...

Бабка резко нагнулась ко мне.

– Страшно?! – рявкнула она.

Я вздрогнула.

– Нет. Необычно, – громко ответила я.

– Молодец. Смелая. Ну, Леночка, рассказывай, – бабушка, забыв на время обо мне, переключилась на тётю Лену.

Тётя Лена стала рассказывать про то, как мы живём.

– Всё получилось, как вы мне нагадали, – хихикнула тётя Лена.

– Конечно, ведь я же видела будущее. Скажи, зачем ты к себе потащила мою Верку? Я ведь предупреждала тебя! Вот бестолковая! Я же гадала тебе!

– Она моя подруга.

– А вы гадалка? А что вы нагадали? – поинтересовалась

я, влезая во взрослый разговор.

– Твою бабушку считают ведьмой, – тихо прошептала тётя Лена. А старуха, которую звали Варварой, от этих слов дико захохотала. У меня от слова «ведьма» и этого хохота волосы зашевелились на голове.

– Правда? – прошептала я. Мне хоть и было страшно, но дикое любопытство уже снесло меня.

– Правда-правда! Только «считается» – не считается. Я ведь есть самая настоящая ведьма! – старуха Варвара изучала меня своими пронзительными водянистыми глазами.

– А мне можно погадать? – спросила вдруг я.

Бабка ещё долго на меня смотрела, а потом утвердительно кивнула, класнув при этом зубами, и показала на другую дверь.

– Одна пойдёшь.

– Но она маленькая! – стала возражать тётя Лена.

– Мне она интересна. Эта девочка не так проста, как кажется. К тому же ты знаешь законы гадания.

Я уже ничего не слушала, смело прыгнула со стула и вошла в другую комнату. В этой комнате царил полумрак. Там стояли старая деревянная кровать у стены, древний сервант со стеклянными дверцами, в котором виднелись непонятного назначения горшочки и баночки, а у маленького окна стоял круглый стол, покрытый темной скатертью, и только два стула. На стенах тоже висели какие-то непонятные картинки и схемы. Я толком не поняла, что на них изображено, меня

они мало волновали, я хотела узнать о своём будущем.

– Садись на стул, – проскрипела бабуля. Я тут же послушно устроилась на жёстком деревянном стуле.

Моя бабушка подошла к серванту, что-то оттуда вынула и принялась громыхать посудой. Потом повернулась и подошла ко мне.

– На, выпей, – протянула мне кружку с какой-то тёмной жидкостью.

– Это зачем? – я с подозрением посмотрела на ведьму.

Та опять засмеялась.

– Ох, нравишься ты мне, непокорная. Оставила бы себе, но не могу. Не для меня ты. Хотя при рождении две дороги у тебя было, но не хотела принимать тебя судьба в качестве ведьмы.

– А зачем я вам? Вы меня съедите? – ляпнула я, понимая, что мне девять лет и глупо задавать такой идиотский вопрос.

– Нет, – хихикнула Варвара. – Я же сказала, сделала бы из тебя ведьму. Но поздно, маленькой ты должна бы быть... очень маленькой. А Верка сбежала с тобой, когда ты была крохой. Вот время и упущено. Пей.

Я выпила эту жижу. Странно, как вода... никакого вкуса. Ведьма за мной внимательно следила, а потом вдруг оскалилась, показывая дырки от зубов. Я же резко почувствовала в себе перемены. Вроде я сижу тут, а вроде меня где-то носит по воздуху, мотает из стороны в сторону, обратно возвращает, а потом опять кидает, то влево, то вправо. Хотя сама я

сизу на стуле и не двигаюсь, но чувствую, как будто душу мою вытащили из меня, и она где-то носится, в догонялки с кем-то играет. Варвара сначала достала и разложила карты, потом кинула на карты камушки, затем сухие палочки и шишки. Я смотрела на всё это со стороны, без удивления, меня всё ещё где-то носило, по каким-то неизвестным тропам. И вдруг всё резко пропало. Я опять была сама собой.

– Что это было? – я приходила в себя, трогала ладошками горящие щеки и хлопала глазами.

– Ты была в своём будущем, а я смотрела на твои дорожки...

– И что там? – я уже была вся во внимании.

– Сколько страсти и любопытства, – ведьма опять дико засмеялась. – Ладно. Скажу. Слушай меня внимательно. Число... твоё число три. От этого числа будет зависеть вся твоя судьба. Запомни... волшебное число – три. Будет и четыре. Оно написано сразу, и от тебя это не зависит, оно всегда будет с тобой идти по жизни, а вот три... оно всё для тебя, и всё может измениться... чары развеются... колдовство спадёт... или найдёшь... или потеряешь... три... настоящая волшебная тройка, и только тогда освободишься...

– И это – всё? И что я теперь – на тройки и четвёрки буду учиться? – разочарованно произнесла я.

– Скоро тебя ждут потрясения и потери... А дальше... всё зависит от тебя... Ты найдёшь настоящую дружбу, познаешь предательство. Если воля твоя сильна, и ты будешь умна, то

познаешь счастье, если слаба и глупа, то тебе счастье судьба даже не предложит, тогда смерть ждёт тебя.

Я была немного разочарована. Кроме чисел «три» и «четыре» зацепиться было не за что. Всегда так говорят – будь умна и будешь счастлива, а будешь глупа – душой проживёшь. Дуру могила исправит. Поэтому я решила не особенно верить, но про число «три» запомнила. И про число «четыре», которое со мной по жизни пойдёт, тоже.

– Бабушка, а почему меня называли Дамаском? Ведь это твоя идея! – вспомнила вдруг я.

– Когда-то, давным-давно, жил такой путешественник, доктор Линакр. Посетив город Дамаск в Сирии, он увидел самую красивую и пахучую розу. И тогда он привёз в Европу эту дамасскую розу. Она покорила всех женщин своими ароматом и красотой. Самая красивая и самая колючая роза в мире. Именно в те года в Европе была мода на имя Дамаск. Очень многих девушек называли этим именем. Жаль, что оно теперь утратило своё величие.

Я кивнула и поняла, что гадание подошло к концу. Выйдя из комнаты, я устроилась на лавке, а моё место в соседней комнате заняла тётя Лена. Она очень долго не выходила, а так как мы сегодня встали очень рано, то меня сморил сон...

...Я сидела на скамейке и держала в руке букет из трёх роз, а ведьма в котле варила суп и собиралась туда бросить меня вместе с букетом. «Три, три, три и четыре!» – кричала Варвара.

Я проснулась. Дверь открылась и оттуда вышла тётя Лена. Она была немного странная, мне показалось, что грустная и потерянная. Я резко почувствовала, что с этой минуты в нашей жизни всё изменится...

Как только мы вернулись в Москву, то я сразу заметила перемены в моей маме. Она опять улыбалась, щёчки её горели и выступали кокетливые ямочки. Тётя Лена стала немного задумчивая, а Николас встревожено на неё посматривал...

В один из дней мы с мамой стояли перед домом.

– Почему ты не ездила к бабушке? – спросила я её.

– А зачем? Чтобы она мне опять нагадала пьяного любовника или беременность. Только Ленке она гадает всё хорошее! – глаза мамы горели злобой и завистью.

– Если бы ты была доброй, то и тебе бы гадали хорошее, – я любила тётю Лену и не могла позволить обидеть её. Не могла даже слышать оскорбительные слова в её адрес.

Мать наотмашь ударила меня по щеке.

– Не смей её бить! – вдруг услышала я крик тёти Лены, она выскочила из дома и Николас следом с ней. Я держала ладонь на полыхающей щеке, но не плакала. Я привыкла, что мне дерут волосы, могут дать по голове. Я могла всё это стерпеть. Как оказалось, больнее не физическая боль, больнее душевная, и её я скоро испытала.

– Зачем ты её ударила? – крикнул Николас, а тётя Лена обняла меня и вдруг впервые заплакала.

– Пусть не хамит мне! – с вызовом произнесла мама. Я

заметила, что мама перестала выглядеть, как работница, казалось, она теперь тут хозяйка – в ней появилась странная уверенность на вседозволенность.

Николас взял меня за руку и отвёл в свой кабинет.

– Она часто тебя бьёт? – ласково спросил он, но глаза были очень серьёзны. Тётя Лена, вытирая слёзы, стояла тут же. Мне показалось, что она давно хотела плакать, только не могла найти повод, чтобы расплакаться. А вот сейчас, может, и никто не догадается из-за чего же на самом деле она плачет.

Я молчала, теперь-то я знала, кто такие адвокаты. А Николай и тётя Лена были именно ими. Сидя здесь, в этом самом кабинете, я не раз слышала разговоры о том, что матерей и отцов лишают родительских прав за избиение детей. Остаться сиротой я тоже не хотела. Именно поэтому не могла сказать, что моя мама может меня ударить только потому, что у неё плохое настроение.

Не дождавшись ответа, Николай тяжело вздохнул.

– Идите обе сюда! – Николай раскрыл руки для меня и тёти Лены. Мы подошли и сели на его колени. Николай был огромен и даже в его объятиях мы утонули вместе с ней. – Я хочу вам обеим сказать, что я вас очень люблю. Я вас люблю. Никогда не забывайте этого. Это очень важно.

Мне казалось, что глядя на тётю Лену, Николай извиняется, признаваясь ей в любви. А я, увидев их, заплакала в первый раз. Я всегда была сильная, очень сильная, но мне никто никогда не говорил, что любит меня. Наверное, они

помирились из-за меня, потому что оба улыбнулись и стали меня успокаивать. В этот день, меня положили спать в большом доме, отведя для меня комнату. Теперь у меня была своя личная комната.

Казалось, жизнь в доме налаживалась. У меня была своя комната, но я по-прежнему проводила много времени в кабинете Николаса. Когда в нём никого не было, я там читала свои любимые книжки. В один из дней меня сморил сон, и я уснула прямо в кресле кабинета, свернувшись калачиком. Из-за стола меня даже не было видно. Когда я проснулась и вышла в коридор, то услышала какие-то странные звуки и, подойдя к приоткрытой двери Антона, распахнула её. То, что я увидела, меня повергло в шок. Антон абсолютно голый лежал на голой девушке. Я видела их тела, я видела его попу. Вскрикнув, я бросилась бежать.

– Вот, дьявол! – последнее, что услышала я. Мне было девять, Антон в последнем классе школы. Что они делали, я не понимала, но мне показалось, что это что-то очень плохое. Ужас сковал меня, мне казалось, что я никогда не смогу произнести ни одного слова. Я выскочила на улицу и побежала. Потом, когда бежать уже не могла, медленно побрела. Я ходила довольно долго и очень боялась вернуться домой. Я ждала вечера, когда появятся Николас и тётя Лена, только тогда я смогла бы вернуться. Когда я вернулась к дому и позвонила, то открыл мне Антон, который поджидал меня. Он схватил меня за пояс и головой вперёд потащил внутрь.

– Только попробуй сказать моим родителям. Убью! – зашипел он.

Дело в том, что во мне жил странный феномен непонятной защиты. Поэтому со мной не могли справиться одноклассники. Меня нельзя заставить что-то делать насильно и меня нельзя хватать насильно, я начинаю защищаться, требуя своей свободы, – это какое-то врождённое состояние и от меня независящее.

Я никогда и никого так не боялась, как Антона в ту минуту. И, конечно же, я дико закричала, стала извиваться и вырываться. Я вцепилась ему в руку зубами и напоследок лягнула между ног. Он выпустил меня, согнувшись пополам.

На мои крики сбежались все. Я с дикими воплями подбежала к тётке Лене и спряталась за её спиной.

– Зачем ты к ней приставал? – почему-то засмеялся Николай.

– Она меня укусила! – крикнул Антон.

– Конечно, если схватить её, она укусит! А ты её, между прочим, испугал! Она тебе по пояс, при твоём-то росте! – неругался, а разъяснил ему отец.

Антон молча обошёл всех нас и вернулся в дом, хлопнув дверью.

Моя мама ничего не сказав, вернулась к себе, ей явно было всё равно. Мы же трое остались на улице.

– Что случилось? – мягко спросила меня тётя Лена.

Я, раскрыв глаза, замахала руками, открывая и закрывая

рот.

– Он... она... они там... голые были... а он... а она... – я больше не могла ничего сказать.

– Так, понятно.

Николас хмыкнул. Кажется, его это всё забавляло, а тётя Лена погрузнела. Она не была мамой Антону и не могла на него повлиять.

– Антониус вырос, они с отцом очень похожи. И мальчик уже стремится к девушкам, которые ему нравятся. Ты должна понять...

– Не хочу! Это... гадко! – я вырвалась и убежала к себе в комнату.

Через день мы столкнулись с Антоном в коридоре.

– Мы викинги, – он перекрыл коридор своей фигурой, расставил ноги и раскрыл руки, как бы пытаюсь поймать меня и испугать, – мы получаем, что хотим, – устрашающим голосом заговорил он. Я попятилась. – Мы женились на девочках двенадцати лет и младше.

– Ты сядешь в тюрьму! Или я сяду, убив тебя! – зло выкрикнула я и побежала на него.

Меньше всего Антон ожидал именно этого. Я юркнула между его длинными ногами, побежала дальше и со всей силы натолкнулась на Николаса, который еле сдерживался, чтобы не засмеяться.

– Антониус, прекрати её пугать! – весело произнёс ему отец.

– Я пошутил! – засмеялся Антон.

Но с того дня в доме я стала двигаться очень тихо, чтобы случайно не натолкнуться на Антона. Но больше мне он не попадался. Да мы ведь и раньше никогда не общались.

А ровно через неделю я вторично сбежала из дома, но вот возвращаться домой больше не хотела...

...Я проскользнула в дом на носочках, чтобы не застать Антона и тихо поднялась на второй этаж. У кабинета я услышала голоса, один принадлежал моей маме, другой Никола-су.

– Почему ты мне отказываешь? Когда не было Ленки, всё было нормально. А теперь она вернулась, и ты меня не хочешь, – шипела моя мама.

– Лена – моя жена и хорошая женщина. Ты сама ко мне пришла. Я не хотел этого.

– Все вы не хотите, но все со страстью это делаете.

Я услышала, как шуршит одежда, а потом снова голос матери.

– Давай, иначе я расскажу Ленке, как мы с тобой кувыр-кались в постели!

Теперь я что-то стала понимать – улыбка, мамины ямочки, красные щёчки, мужики-кобели в общежитии, те часы, в которые меня выгоняли в коридор... и мамина личная жизнь, которая никак не устраивалась. Теперь я ясно поняла, что мама подразумевала под личной жизнью. Казалось, сама судьба специально показала мне этот гадкий момент с

Антоном, чтобы я поняла, что делают мужчина с женщиной. Я повзрослела в эту минуту и от обиды, переполнявшей меня, подошла к двери и резко открыла её.

Моим ещё детским глазам предстала картина – Николас держал руки моей матери, а она стояла перед ним почти голая, только в одних трусах. Но я смотрела не на неё, я смотрела на Николаса – в его глаза, в его лицо. Если ситуация с Антоном никак не отразилась в моей душе, и я только испугалась, а вот Николаса я любила, он был для меня всем, и он меня в один момент разочаровал. Разрушил всё то, что я о нём возомнила. Обида переполняла меня, и я не сдержалась.

– Ты лжец! Как ты мог быть с ней! С ней? – я с презрением посмотрела на мать. – Я ненавижу вас и этот дом ненавижу! Лена лучше вас всех! Только её я буду любить! А ты... ты... ты был для меня всем... а теперь... я не хочу тебя знать! Я ненавижу тебя! – и, развернувшись, побежала вниз по лестнице.

Я слышала, как сорвался Николас, призывая меня остановиться. Но, не обращая внимание на его голос, выскочила на улицу, бежала и бежала, убегая как можно дальше от этого дома, этого посёлка, этой местности.

Устав бежать, я остановилась и глазами, полными слёз, посмотрела вокруг. Я находилась на лугу, где пахло цветами, где ветер обдувал мои щёки, которые горели от горечи и потери. Свалившись в траву, я просто отключилась.

Конечно же, меня нашли. Николас вызвал полицию, меня

искали, обыскивая каждый метр и, в конце концов, нашли. Меня пытались успокоить, но тщетно. Я клятвенно обещала, как заводная, что опять убегу и проклинала на чём свет этот дом. Я не хотела не только жить в этом доме, я физически не могла находиться в нём. Только одну тётю Лену я подпускала к себе, и она часами сидела со мной в комнате, держа в объятиях и глядя по голове, пытаюсь успокоить и поменять моё мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.